

Илья Муромец и Идолище (2)

Как сильное могучо-то Иванищо,
Как он Иванищо справляется,
Как он-то тут Иван да снаряжается
Итти к городу еще Еросóлиму,
Как господу там богу помолитися,
Во Ёрдань там реченки купатися,
В кипарисном деревци сушитися.
Господнѣму да гробу приложитися.
А сильнѣ-то могучо Иванищо,
У ёго лапотци на ножках семи шелков,
Клюша-то у его ведь сорок пуд.
Как ино тут промеж-то лапотци поплѣтены
Каменья-то были самоцветныи.
Как меженный день да шел он по красному солнышку,
В осенну ночь он шел по дорóгому камению самоцветному,
Ино тут это сильное могучее Иванищо
Сходил к городу еще Еросóлиму,
Там господу-то богу он молился есть.
Во Ёрдань-то реченки купался он,
В кипарисном деревци сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Как тут-то он Иван поворот держал,
Назад-то он тут шел мимо Царь-от град.
Как тут было еще в Царѣ-гради
Наехало погано тут Идолище,
Одолели как поганы вси татарева,
Как скоро тут святыи образа были поколоты
Да в черны-то грязи были потоптаны,
В божьѣх-то церквах он начал тут коней кормить.
Как это сильно могуче тут Иванищо
Хватил-то он татарина под пазуху,
Вытащил погана на чистó поле
А начал у поганого доспрашивать:
— Ай же ты, татарин да неверный был!
А ты скажи, татарин, не утай себя:

Какой у вас погано есть Идолищо,
Велик ли-то он ростом собой да был?

Говорит татарин таково слово:

— Как есть у нас погано есть Идолищо
В долину две сажени печатных,
А в ширину сажень была печатная,
А головіщо что ведь люто лохалищо,
А глазища что пивныи чашища,
А нос-от на роже он с локоть был.

Как хватил-то он татарина тут за руку,
Бросил он ёго в чисто полё,
А розлетелись у татарина тут косточки.
Пошел-то тут Иванищо вперед опять,
Идет он путем да дорожкой,
На стречу тут ему да встречается
Старый казак Илья Муромец:

— Здравствуй-ко ты, старый казак Илья Муромец!

Как он ёго ведь тут еще здоровствует:

— Здравствуй, сильное могучо ты Иванищо!
Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
А ты откуль еще свой да путь держишь?

— А я бреду, Илья еще Муромец,
От того я города Еросóлима.
Я там был ино господу богу молился там,
Во Ёрдань-то реченки купался там,
А в кипарисном деревци сушился там,
Ко господнему гробу приложился был.
Как скоро я назад тут поворот держал,
Шел-то я назад мимо Царь-от град.

Как начал тут Ильюшенка допрашивать,
Как начал тут Ильюшенка доведывать:

— Как всё ли-то в Царі-гради по-старому,
Как всё ли-то в Царі-гради по-прежнему?

А говорит тут Иван таково слово:

— Как в Цари-гради-то нуньчу не по-старому,
В Царі-гради-то нуньчу не по-прежнему.
Одолели есть поганыи татарева,
Наехал есть поганое Идолищо,
Святыи образа были поколоты,

В черныи грязи былі потоптаны,
Да во божьих церквах там коней кормят.
— Дурак ты, сильноё могучо есть Иванищо!
Силы у тебя есте с два меня,
Смелости, ухватки половинки нет.
За первыя бы речи тебя жаловал,
За эты бы тебя й на́казал
По тому-то телу по на́гому!
Зачем же ты не выручил царя-то Костянтина Боголюбова?
Как ино скоро розувай же с ног,
Лапотци розувай семи шелков,
А обувай мои башмачики сафьяныи.
Сокручуся я каликой перехожею.

Сокрутился е каликой перехожею,
Дават-то ему тут своего добра коня:
— На-ко, сильноё могучо ты Иванищо,
А на-ко ведь моего ты да добра коня!
Хотя ты ездил ль, хоть водком води,
А столько еще, сильное могучо ты Иванищо,
Живи-то ты на уловном этом мѣстечки,
А живи-тко ты еще, ожидай меня,
Назад-то сюды буду я обратно бы.
Давай сюды клюшу-то мне-ка сорок пуд.

Не дѳйдет тут Ивану розговаривать,
Скоро подават ему клюшу свою сорок пуд,
Взимат-то он от ёго тут добра коня.
Пошел тут Ильюшенка скорым-скоро
Той ли-то каликой перехожею.
Как приходил Ильюшенка во Царь-от град.
Хватил он там татарина под пазуху,
Вытащил его он на чисто полѳ,
Как начал у татарина доспрашивать:
— Ты скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас невежа есть поганый был,
Поганый был поганое Идолищо?

Как говорит татарин таково слово:
— Есть у нас поганое Идолищо
А росту две сажѳни печатных,
В ширину сажѳнь была печатная,

А головѣщо что ведь лютое лохалищо,
Глазища что ведь пивныя чашища,
А нос-от ведь на рожи с локоть был.

Хватил-то он татарина за руку,
Бросил он ёго во чистó поле,
Розлетелись у ёго тут косточки.
Как тут-то ведь еще Илья Муромец
Заходит Ильюшенька во Царь-от град,
Закричал Илья тут во всю голову:
— Ах ты царь да Костянтин Боголюбович!
А дай-ка мне калики перехожи
Злато мне, милóстину спасёную.

Как ино царь-он Костянтин-он Боголюбович
Он-то ведь уж тут зра́довается.
Как тут в Царѣ-гради от крыку еще каличьего
Теремы-то ведь тут пошатались,
Хрустальнии оконнички посыпались,
Как у поганого сердечко тут ужáхнулось.
Как говорит поганой таково слово:
— А царь ты Костянтин Боголюбов был!
Какой это калика перехожая?

Говорит тут Костянтин таково слово:
— Это есте русская калика zde.
— Возьми-ко ты каликушку к себе его,
Корми-ко ты каликушку да пой его,
Надай-ко ему ты злата-сёребра,
Надай-ко ему злата ты дóлюби.

Взимал он царь Костянтин Боголюбович,
Взимал он тут каликушку к себе его
В особой-то покой да в потайныи,
Кормил-поил калику, зрадовáется,
И сам-то он ему воспрогóворит:
— Да не красное ль то солнышко порóспекло,
Не млад ли zde светел месяц порóссветил?
Как нунечку-топеречку zde еще
Как нам еще сюда показался бы
Как старьи казак здесь Илья Муромец.
Как нунь-то есть было топеречку
От тьи беды он нас повыручит,

От тыи от смерти безнапрасныи!

Как тут это поганое Идолищо

Взимает он калику на доспрос к себи:

— Да ай же ты, калика было русская!

Ты скажи, скажи, калика, не утай себя,

Какой-то на Руси у вас богатырь есть,

А старый казак есть Илья Муромец?

Велик ли он ростом, по многу ль хлеба ест,

По многу ль еще пьет зеленá вина?

Как тут эта калика было русская

Начал он калика тут высказывать:

— Да ай же ты, поганое Идолищо!

У нас-то есть во Киеви

Илья-то ведь да Муромец

А волосом да возрастом равным с меня,

А мы с им были братица крестовыйи,

А хлеба ест как по три-то колачика крупивчатых,

А пьет-то зеленá вина на три пяточка на медных.

— Да чорт-то ведь во Киеви-то есть, не богатырь был!

А был бы-то ведь зде да богатырь тот,

Как я бы тут его на долонь-ту клал,

Другой рукой опять бы сверхú прижал,

А тут бы еще да ведь блин-то стал,

Дунул бы его во чисто поле!

Как я-то еще ведь Идолищо

А росту две сажени печатных,

А в ширину-то ведь сажень была печатная,

Головищо у меня да что люто лохалищо,

Глазища у меня да что пивныйи чашища,

Нос-от ведь на рожи с локоть бы.

Как я-то ведь да к выти хлеба ем

А ведь по три-то печи печоных,

Пью-то я еще зеленá вина

А по три-то ведра я ведь мерных,

Как штей-то я хлебаю — по яловицы есте русскийи.

Говорит Илья тут таково слово:

— У нас как у попа было ростовскаго

Как была что корова обжориста,

А много она ела, пила, тут и трёснула,

Тебе-то бы поганому да так же быть!

Как этии тут речи не слюбилися,
Поганому ему не к лицу пришли,
Хватил как он ножищо тут кинжалищо
Со того стола со дубова,
Как бросил ён во Илью-то Муромца,
Что в эту калику перехожую.
Как тут-то ведь Ильи не дойдет сидеть,
Как скоро ён от ножика отскакивал,
Колпаком тот ножик приотваживал.
Как пролетел тут ножик да мимо-то,
Ударил он во дверь во дубовую,
Как выскочила дверь тут с ободвериной,
Улетела тая дверь да во сини-ты,
Двенадцать там своих да татаровей
На мертвó убило, дру́го ранило.

Как остальни татары проклинаят тут:

— Буди трою проклят, наш татарин ты!

Как тут опять Ильюше не дойдет сидеть,
Скоро он к поганому подскакивал,
Ударил как клюшой ёго в голову,
Как тут-то он поганый да захамкал есть.
Хватил затым поганого он за ноги,
Как начал он поганым тут помахивать,
Помахиват Ильюша, выговариват:
Вот мне-ка, братцы, нуньчу оружье по плечу пришло.

А бьёт-то, сам Ильюша выговариват:

— Крепок-то поганый сам на жилочках,
А тянется поганый, сам не рвется.

Начал он поганых тут охаживать

Как этиим поганыим Идолищом.

Прибил-то он поганых всих в три часу,

А не оставил тут поганаго на сима.

Как царь тут Костянтин-он Боголюбович

Благодарствует его, Илью Муромца:

— Благодарим тебя, ты старыи казак Илья Муромец!

Нонь ты нас еще да повыручил,

А нонь ты нас еще да повыключил

От тыи от смерти безнапрасныи.

Ах ты старый казак да Илья Муромец!
Живи-тко ты здесь у нас на жительство,
Пожалую тебя я воеводою.

Как говорит Илья ёму Муромец:
Спасибо, царь ты Костянтин Боголюбович!
А послужил у тя столькí я три часу,
А выслужил у тя хлеб-соль мягкую,
Да я у тя еще слово гладкое,
Да еще уветливо да приветливо.
Служил-то я у князя Володимера,
Служил я у его ровно тридцать лет,
Не выслужил-то я хлеба-соли там мягкии,
А не выслужил-то я слова там гладкаго,
Слова у его я уветлива есть приветлива.
Да ах ты, царь Костянтин Боголюбович!
Нельзя-то ведь еще мнэ зде-ка жить,
Нельзя-то ведь-то было, невозможно есть:
Оставлен есть остáвеш на дороженки.

Как царь-тот Костянтин Боголюбович
Насыпал ему чашу красна золота,
А другую-ту чашу скачна жемчугу,
Третьюю еще чиста сéребра.
Как принимал Ильюшенка, взимал к себе.
Высыпал-то в карман злато-сéребро,
Тот ли-то этот скачный жемчужок,
Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова:
— Это ведь мое-то заработное.

Как тут-то с царём Костянтином распростилиси,
Тут скоро Ильюша поворот держал.
Придет он на уловно это мíстечко,
Ажно тут Иванищо притаскано,
Да ажно тут Иванищо придерзано.
Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с сéбя платья-ты каличьии,
Розувал лапóтьцы семи шелков,
Обувал на ножки-то сапожки сафьянныи,
Надевал на ся платьица цвётныи,
Взимал тут он к себе своего добра коня,
Садился тут Илья на добра коня,

Тут-то он с Иванищом еще распрощается:
— Прощай-ко нунь ты, сильное могучо Иванищо!
Впредь ты так да больше не делай-ко,
А выручай-ко ты Русию от поганных.
Да поехал тут Ильюшенка во Киев-град.

*(Записано 26 июля 1871 года от крестьянина деревни Бураковой
Пудожского уезда, Никифора Прохорова, 51 года.)*

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года.
Изд. 4, т. I, 1949. М. — Л.